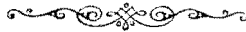

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Х Л И Х

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1892 г.

	СТР.
I. Последній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. XXV—XXVIII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	233
II. До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). XXI—XXIII. (Окончаніе). И. Н. Потапенко	262
III. Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. 1823 годъ. III—V. (Окончаніе).	275
IV. Военная гроза. Повѣсть. Главы VIII—XI. (Окончаніе). А. И. Лемана.	306
V. Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева. XII—XIV. (Продолженіе)	338
VI. Очерки Бухары. II. (Продолженіе). П. П. Шубинскаго	363
VII. Гоголь, какъ историкъ. Ф. А. Витберга	390
VIII. Ермакъ въ былинахъ русскаго народа. А. В. Оксенова	424
IX. Писатель двадцатыхъ годовъ. С. С. Трубочева	443
Иллюстрація: Портретъ князя Петра Андреевича Вяземскаго.	
X. Хутынский монастырь. (По поводу семисотлѣтія съ его основанія). И. Привольева	455
Иллюстрація: Хутынский монастырь (1. Общій видъ монастыря съ р. Волхова.—2. Преображенскій соборъ, освященный въ 1515 г.—3. Рака надъ мощами пр. Варлаама.—4. Холмъ за монастырской оградой съ часовней на мѣстѣ бывшей кельи преподобнаго).	
XI. Бритика и библиографія	462
1) О сношеніяхъ Россіи съ Франціею. Ш. В. Безобразова. Москва. 1892. А. Л.—на.—2) Е. И. Утинъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892. Р. И. Сементюкова.—3) Г. Джавишевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1892. А. Фаресова.—4) Рулетка въ Монако. Переводъ съ французскаго. Москва. 1892. В.—ъ.—5) Историческій очеркъ Романово-Борисоглѣбскаго училища (1787—1891 г.). Составилъ А. А. Кузнецовъ. Мышкинъ. 1892. В. Б.	
XII. Заграничныя историческія новости	473
XIII. Смѣсь	481
1) Дворецъ царевича Дмитрія. — 2) Десятилѣтняя годовщина смерти М. Д. Скобелева. — 3) Подувѣковая дѣятельность профессора Павлова. — 4) Присужденіе премій Петра Великаго. — 5) Могилы Фонвизина и другихъ писателей. — 6) Археологическое общество. — 7) Некрологи: К. Ф. Ординъ; В. М. Каченовскій; Д. А. Кобыковъ.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.—2) Роялистская заговорщица. (Вейле). Историческій романъ Эжюля Лермина. Переводъ съ французскаго. XX—XXIII. (Окончаніе). — 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

ГОГОЛЬ, КАКЪ ИСТОРИКЪ.

«Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно». (Письмо Гоголя къ Плетневу, «Сочиненія», изд. 10, IV, 233).

ПРОФЕССОРЪ В. В. Григорьевъ въ «Исторіи императорскаго С.-Петербургскаго университета», характеризуя профессорскій персоналъ университета въ первый періодъ его существованія (съ 1819 по 1835 г.), говоритъ (стр. 93):

«Для преподаванія исторіи древней и средневѣковой приглашенъ былъ въ 1834 году, съ званіемъ адъюнкта, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, учительствовавшій въ Патріотическомъ институтѣ, Гоголь-Яновскій (Николай Васильевичъ), знаменитый впоследствии авторъ «Мертвыхъ Душъ», тогда же извѣстный лишь по «Вечерамъ на хуторѣ». Призваніе свое къ историческимъ занятіямъ основывалъ онъ на трехъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ, въ томъ же 1834 году, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: 1) Планъ преподаванія всеобщей исторіи; 2) Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи и 3) О малороссійскихъ пѣсняхъ. Но статьи обнаруживали въ авторѣ ихъ художника, а не мыслителя и ученаго; къ тому же Гоголь, по незнанію классическихъ древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, не обладалъ даже и средствами пріобрѣсти надлежащую начитанность, а приемы научные были ему совершенно неизвѣстны. Опытъ годичнаго преподаванія предмета, весьма неудовлетворительный, убѣдилъ его самого, что взялся онъ не за свое дѣло, и въ 1835 году Гоголь оставилъ университетъ. Вступительная лекція его «О среднихъ вѣкахъ»

напечатана была въ томъ же году въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»¹⁾).

Въ этомъ сухомъ и небрежномъ по тону упоминаніи о профессорской дѣятельности Гоголя, помимо фактическихъ неточностей, которыя сами собой выяснятся въ предлагаемой статьѣ изъ дальнѣйшаго изложенія, выразилась та точка зрѣнія, которая установилась у насъ на историческія занятія Гоголя. Ихъ принято считать ничѣмъ не оправданной претензіей Гоголя на роль ученаго, для которой у него не было будто бы ни способностей, ни знанія.

Между тѣмъ, увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя, а потому и отнестись къ этому увлеченію слѣдуетъ серьезно, не спѣша произносить приговоръ надъ занятіями, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поглощавшими все вниманіе Гоголя и мѣшавшими ему отдаться природнымъ поэтическимъ влеченіямъ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ разсмотрѣнію этого вопроса, укажу на одно весьма важное для правильнаго разумѣнія этой своеобразной личности обстоятельство.

У насъ принято, говоря о Гоголѣ, вступать съ нимъ самимъ въ полемику, придираться къ каждому его слову, отыскивая въ немъ не тотъ прямой смыслъ, какой въ немъ заключается, а какой-то другой, особенный, умысленно будто бы скрытый Гоголемъ, принято не вѣрить самымъ простымъ и искреннимъ его словамъ и считать его за человѣка неискренняго, притворявшагося, говорившаго не то, что въ самомъ дѣлѣ было у него на душѣ. Пока мы не бросимъ такого полемическаго отношенія къ Гоголю, мы никогда не въ состояніи будемъ психологически понять его; онъ останется для насъ вѣчной загадкой, человѣкомъ, исполненнымъ какихъ-то непонятныхъ странностей, противорѣчій, внезапныхъ, почти капризныхъ перемѣнъ и скачковъ въ душевной жизни. Только взглянувъ на него тѣми же простыми глазами, какими мы смотримъ на всѣхъ людей, получимъ мы возможность понять его; онъ перестанетъ быть для насъ психологической загадкой и явится передъ нами тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: человѣкомъ съ высокими, идеальными стремленіями, съ гениальнымъ дарованіемъ, но съ очень неправильной нравственной подготовкой, вслѣдствіе чего долго не знавшимъ и даже не подозрѣвавшимъ настоящаго своего призванія.

Въ выбранномъ мною для настоящей статьи эпитафій изъ письма его къ Плетневу (писаннаго 4 декабря 1846 г.) онъ утверждаетъ, что никогда, даже въ самыхъ равныхъ юношескихъ мечтахъ

¹⁾ Въ статьѣ своей: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» («Русская Бесѣда», 1856 г., кн. III, смѣсь), В. В. Григорьевъ отзывался о профессурѣ Гоголя еще рѣзче (стр. 24—26). Ф. В.

своихъ, не воображалъ себя дѣятелемъ на литературномъ поприщѣ, на которое попалъ почти случайно. То же самое онъ высказалъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ статьѣ, приготовленной имъ въ видѣ предисловія для предполагавшагося имъ, но не состоявшагося, второго изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и появившейся впоследствии подъ заглавіемъ «Авторская исповѣдь»: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ». («Сочиненія», изд. 10, IV, 247—248).

И письмо къ Шлетневу и «Авторская исповѣдь» писаны въ 1846 и 1847 гг., то-есть въ тотъ періодъ жизни Гоголя, когда, по общему мнѣнію, онъ запутался въ нравственныхъ вопросахъ и, подъ вліяніемъ этой путаницы, сталъ будто бы отрицательно смотрѣть на свою поэтическую дѣятельность и потому, какъ обыкновенно думаютъ, находилъ нужнымъ отречься отъ своего поэтического призванія. Но у насъ есть его же показаніе, относящееся къ гораздо болѣе раннему времени, свидѣтельствующее о томъ же самомъ.

За 20 почти лѣтъ до появленія «Переписки съ друзьями», въ письмѣ къ дядѣ П. П. Косяровскому (8-го сентября 1828 года), 19-ти-лѣтній Гоголь, говоря о своей рѣшимости уѣхать изъ дому, чтобы своими собственными силами пробить себѣ дорогу, возлагаетъ надежды на разныя свои «достоинства», даже на знаніе разныхъ ремесель, но о намѣреніи сдѣлаться писателемъ вовсе не упоминаетъ («Русская Старина», 1876, XV, 43), и не упоминаетъ, очевидно, потому, что не только въ ранней юности, еще приготовляясь выступить на поприще общественной дѣятельности, но даже и въ петербургскій періодъ своей жизни онъ еще не рѣшилъ для себя вопроса о своемъ призваніи. Хотя его поэтическая дѣятельность началась еще въ Нѣжинской гимназіи, но своимъ поэтическимъ опытамъ самъ онъ не придавалъ никакого значенія, увлекаясь преимущественно занятіями историческими. Неоднократныя заявленія его, что онъ никогда не мечталъ о поприщѣ писателя, надо понимать въ томъ смыслѣ, что, пробивая себѣ дорогу въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ и отыскивая наиболѣе подходящее для себя поприще, онъ не только сознательно не останавливался на мысли сдѣлаться писателемъ, но даже и въ мечтахъ, столь свойственныхъ всѣмъ даровитымъ людямъ, не воображалъ себя въ роли литературнаго дѣятеля и долго не обращалъ вниманія на свое поэтическое дарованіе. Оно само, въ противность его собственному сознанію, неудержимо прорвалось наружу и, въ концѣ концовъ, указало ему его настоя-

щую дорогу ¹⁾). Сознательно же Гоголь съ увлеченіемъ предавался въ эти первые годы своей петербургской жизни занятіямъ историческимъ и мечталъ сдѣлаться историкомъ Малороссіи, для чего усердно собиралъ матеріалы.

Въ объявленіи «Объ изданіи исторіи Малороссійскихъ казаковъ», напечатанномъ въ 1834 году въ «Сѣверной Пчелѣ» («Сочиненія», изд. 10, V, 107), Гоголь, сообщая освоенъ намѣреніи написать исторію Малороссіи и прося «просвѣщенныхъ соотечественниковъ» сообщать ему матеріалы, заявлялъ: «Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіяся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ» ²⁾).

И дѣйствительно, съ самаго приѣзда своего въ Петербургъ (въ 1829 г.), Гоголь настойчиво проситъ мать, старшую сестру и другихъ родственниковъ и знакомыхъ сообщать ему необходимые матеріалы, относящіяся къ исторіи и быту Малороссіи. Въ письмѣ къ ней изъ Петербурга отъ 24-го іюля 1829 года онъ даже поясняетъ, для чего нужны ему эти свѣдѣнія о бытѣ Малороссіи. «Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоценныя извѣстія о малороссіянахъ,—писалъ онъ ей,—прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пуцую въ свѣтъ; я не люблю слѣзистыхъ, а тѣмъ болѣе занимать(ся) поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маменька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія проименованія. Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, чтобы не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи» (Кулишъ, V, 88). Итакъ, Гоголь собиралъ матеріалы для какого-то сочиненія, но, очевидно, не поэти-

¹⁾ Въ этомъ рѣшеніи Гоголемъ вопроса о его настоящемъ призваніи много помогъ ему Пушкинъ. Поэтому вопросъ о вліяніи Пушкина на Гоголя приобретаетъ капитальное значеніе и заслуживаетъ сдѣлаться предметомъ отдѣльной статьи. Ф. В.

²⁾ Объявленіе это, появившееся въ 24 № «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 30 января («Сочиненія» Гоголя, изд. 10, V, 556), почему-то не понравилось Погодину, какъ объ этомъ можно догадываться изъ письма къ нему Гоголя отъ 19 марта 1834 года: «Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получать. Это правда, я писалъ его, совершенно не раздумавши. Впрочемъ, охота тебѣ вступаться за Б.*)! Вѣдь онъ... заматалъ у многихъ честныхъ людей многіе матеріалы и рукописи» (Кулишъ, V, 202). Вѣроятно, Погодинъ указалъ Гоголю, по поводу этого объявленія, на труды Д. Н. Бантыша-Каменскаго по исторіи Малороссіи. Ф. В.

*) То-есть за Бантыша-Каменскаго. См. В. Шенрокъ: «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. 2-е, стр. 12. Ф. В.

ческаго, ибо затѣвать поэтическое произведеніе на иностранномъ языкѣ было бы ни съ чѣмъ не сообразно. Да и точности, о которой, какъ видно изъ приведеннаго письма, хлопоталъ Гоголь, для поэтическаго произведенія вовсе не требуется. Очевидно, матеріалы эти нужны были ему не для чего другаго, какъ для задуманной имъ исторіи Малороссіи, которую сразу же предполагалось почему-то перевести на иностранный языкъ. Наклонность къ историческимъ занятіямъ или, по крайней мѣрѣ, интересъ къ историческимъ матеріаламъ обнаруживается у Гоголя еще въ Нѣжинѣ. Сестра его, Елизавета Васильевна, рассказываетъ въ своихъ запискахъ («Русь», 1885 г., № 26, стр. 5—9), что Гоголь, пріѣзжая домой изъ Нѣжинской гимназіи, занимался по утрамъ съ сестрами и, между прочимъ, училъ ихъ исторіи и географіи. Къ этому же времени относится и возникновеніе въ немъ наклонности къ собранію историческихъ матеріаловъ. Большинство замѣтокъ въ его записной книгѣ, помѣченной «Нѣжинъ, 1826», относится къ исторіи и, главнымъ образомъ, къ исторіи и быту Малороссіи. Среди этихъ замѣтокъ находимъ: Лексиконъ малороссійскій, состоящій изъ малороссійскихъ словъ съ русскими синонимами; виршу, говоренную гетману Потемкину запорожцами¹⁾; выговоръ гетмана Скоропадскаго Василю Сологубу; декретъ Миргородской ратуши 1702 г.; игры, увеселенія малороссіянъ; малороссійскія загадки; малороссійскія преданія, обычаи, обряды; обычаи малороссіянъ; пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссійскія; о свадьбахъ малороссіянъ. Къ русской исторіи относятся замѣтки: нѣчто о русской старинной масленицѣ; объ одеждѣ и обычаяхъ русскихъ XVII вѣка, изъ Мейрберга; карта, сдѣланная барономъ Герберштейномъ во время пребыванія въ Россіи; о старинныхъ русскихъ свадьбахъ. Къ всеобщей исторіи: архитектурные чертежи; вѣсь въ разныхъ государствахъ; древнее вооруженіе греческое; распространеніе дикихъ деревъ и кустарниковъ въ Европѣ; нѣчто объ исторіи искусствъ; мысли объ исторіи вообще; чертежи музыкальныхъ инструментовъ древнихъ грековъ; объ одеждѣ персовъ («Записки о жизни Гоголя», I, 54—57).

По переѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь со втораго же письма къ матери (30-го апрѣля 1829 г.) начинаетъ просить ее о сообщеніи ему всевозможныхъ свѣдѣній объ историческомъ бытѣ Малороссіи. Въ этомъ первомъ перечисленіи нужныхъ ему матеріаловъ мы находимъ: обычаи и нравы малороссіянъ; описаніе полного наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закорре-

¹⁾ Этотъ Гоголевскій списокъ пасхальной вирши, сообщенный имъ впоследствии (въ 1832 г.) Максимовичу (Кулишъ, V, 166), напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 года, т. II, № 4, стр. 168—171. Ф. В.

нѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе переменчившихся малороссіянь; названія платья, носимаго крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками; точное и вѣрное названье платья, носимаго до временъ гетманскихъ; обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей; о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ, о духахъ или домовыхъ, съ ихъ названіями и дѣлами; о повѣрьяхъ, преданіяхъ, анекдотахъ (Кулишъ, V, 81). Въ слѣдующемъ письмѣ (22-го мая 1829 г.) онъ проситъ свѣдѣній о карточныхъ играхъ и о повѣрьяхъ и повѣстяхъ, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые (тамъ же, V, 83—84). Подобныя же просьбы попадаютъ отъ времени до времени и въ другихъ письмахъ (см. Кулишъ, V, 88, 99, 103, 107, 135, 140, 170, 189, 190, 197, 225, 232). Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1830 года онъ проситъ собирать для него древнія монеты и рѣдкости, старопечатныя книги, вещи, антики, стрѣлы, записки, веденныя предками какойнибудь старинной фамилии, рукописи стародавнія про времена гетманщины.

«Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшение моей участи»,—объяснялъ онъ матери свою страсть къ собиранію историческихъ предметовъ (Кулишъ, V, 104). «Вельможа» этотъ былъ, по всей вѣроятности, Свиньинъ, извѣстный собиратель древностей и рѣдкостей, дѣйствительно содѣйствовавшій служебному поприщу Гоголя¹⁾. Но Гоголь и самъ чрезвычайно интересовался исторической стариной и съ восторгомъ увѣдомлялъ своихъ друзей о всякой интересной находкѣ. 8-го мая 1833 года онъ писалъ Погодину: «Кстати, случилось ли когданибудь тебѣ слышать про Исторію Римской имперіи и славянскихъ народовъ? Это чудо, а не книга, типографическая рѣдкость! 1503 года и вся въ печаткахъ, а главное, что во введеніи прежде всего говорится объ истребленіи вшей и привезенныхъ въ Германію индійскихъ клоповъ. Издана въ Оснабрюкѣ» (Кулишъ, V, 179). Въ томъ же году (23-го декабря) онъ подобной же радостью подѣлился съ Пушкинымъ: «Порадуйтесь находкѣ, — писалъ онъ ему, — я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украинѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка» («Русскій Архивъ» 1880 года, т. II, стр. 513).

Перечисленный выше матеріалъ имѣетъ, правда, не столько историческое, сколько этнографическое значеніе, почему и послужилъ обильнымъ источникомъ для малороссійскихъ повѣстей Гоголя. Тѣмъ не менѣе настойчивыя заявленія Гоголя о томъ, что

¹⁾ См. мою статью: «Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ М. П. Погодину», въ газетѣ «Русская Жизнь» 1891 г., № 168.

сначала онъ вовсе и не помышлялъ о поприщѣ писателя, даютъ, какъ мнѣ думается, основаніе предполагать, что собирать эти матеріалы онъ началъ не для литературныхъ трудовъ, а для историческихъ. Но природное поэтическое дарованіе, о которомъ Гоголь и не подозрѣвалъ еще ничего, сдѣлало свое дѣло, и вмѣсто исторіи Малороссіи, которую сознательно задумывалъ, Гоголь написалъ «Вечера на хуторѣ» и «Миргородъ». Самый интересъ къ историческимъ и этнографическимъ бытовымъ чертамъ былъ въ немъ интересомъ литературнымъ, а не научнымъ, хотя онъ и самъ не догадывался объ этомъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей литературной карьеры. «По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ,— писалъ онъ Погодину 10-го января 1833 года.—Однородность занятій, замѣтите, и у васъ, и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее стороннее» (Кулишъ, V, 166)¹⁾. Это непониманіе самого себя было, очевидно, одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ душевныхъ тревогъ и волненій, которыя такъ рѣзко выражаются въ его письмахъ за время перваго пребыванія его въ Петербургѣ и которыя происходили отъ душевнаго раздвоенія: сознательно онъ стремился сдѣлаться историкомъ, бессознательно былъ поэтомъ, превращавшимъ собранный имъ историческій матеріалъ въ поэтическія созданія. Поэтому мы и видимъ, что въ первые годы его дѣятельности историческія и поэтическія занятія идутъ у него параллельно.

Напечатанъ въ 1829 году въ «Сынѣ Отечества» стихотвореніе «Италія», онъ, вслѣдъ за нимъ, переводитъ для того же журнала историческую статью «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка»²⁾. Въ концѣ 1830 года мы видимъ его учителемъ географіи³⁾, а въ началѣ 1831 года онъ дѣлается учителемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ. И параллельно съ этими сознательными и официальными занятіями у него идетъ творчество поэтическое, и втеченіе тѣхъ же 1829—1831 годовъ создаются «Вечера на хуторѣ». Эта двойственность въ его занятіяхъ продолжается втеченіе и еще нѣсколькихъ лѣтъ, до оставленія имъ профессорской каѳедры въ концѣ 1835 года.

Знакомство съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, оказавшее въ высшей степени благотворное вліяніе на поэтическое творчество Гоголя, поддержало въ немъ интересъ и къ историческимъ работамъ. Жуковский, поглощенный своими обязанностями воспитателя наслѣдника

¹⁾ М. П. Погодинъ преподавалъ въ это время въ Московскомъ университетѣ всеобщую исторію. Профессоромъ русской исторіи онъ сдѣланъ былъ въ 1836 году (Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, IV, 347). Ф. В.

²⁾ Статья эта, однако, не была напечатана въ этомъ журналѣ ни въ 1829, ни въ 1830 году. (См. мою статью о Гоголѣ въ «Русской Жизни» 1891 г., № 167). Ф. В.

³⁾ См. тамъ же, № 168. Ф. В.

русскаго престола, занялся вскорѣ составленіемъ для своего царственнаго питомца историческихъ таблицъ, а Пушкинъ, только что окончившій и издавшій историческую пьесу: «Борисъ Годуновъ», съ 1831 года началъ работать въ архивахъ, собирая матеріалы для задуманной имъ исторіи Петра Великаго. Такимъ образомъ Гоголь могъ съ обоими вести разговоры не только о предметахъ литературныхъ, но и историческихъ. Извѣстно, какое важное образовательное значеніе придавалъ Жуковскій исторіи, которую онъ называлъ «сокровищницей просвѣщенія царскаго» и считалъ, что она «должна быть главною наукою наслѣдника престола» («Русская Старина» 1880 г., XXVII, 251). Трудно предположить, чтобы, при такомъ интересѣ къ исторіи со стороны Гоголя и Жуковскаго, между ними не происходили бесѣды на историческія темы.

Что касается разговоровъ Гоголя съ Пушкинымъ, то въ бумагахъ послѣдняго мы находимъ любопытный отрывокъ, имѣющій прямое отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Между историческими замѣтками Пушкина попадаетъ, между прочимъ, слѣдующая «программа»:

«Что называется нынѣ Малороссія? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмѣльницкаго, отъ Хмѣльницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?» Въ собраніи его сочиненій программа эта отнесена къ 1825 году (см. «Сочиненія», изд. 8, V, 36), хотя Анненковъ, изъ «Матеріаловъ» котораго она перепечатывается въ сочиненіяхъ Пушкина, опредѣленнаго года и не указываетъ. Годъ, впрочемъ, и не играетъ тутъ особенной роли. Когда бы ни была написана Пушкинымъ эта программа, она показываетъ, что онъ интересовался исторіей Малороссіи, и этотъ интересъ, независимо отъ множества другихъ историческихъ темъ, представлялъ готовый матеріалъ для историческихъ бесѣдъ съ нимъ Гоголя. Вдобавокъ мы имѣемъ объ этихъ бесѣдахъ свидѣтельство самого Гоголя. Въ письмѣ его къ Пушкину отъ 23-го декабря 1833 года находимъ такія строки: «Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ» («Русскій Архивъ» 1880 г., II, 513). Значить, онъ не только бесѣдовалъ съ Пушкинымъ на историческія темы, но и читалъ ему нѣкоторые свои историческіе наброски.

Въ серединѣ 1832 года влеченіе Гоголя къ историческимъ занятіямъ нашло новую и весьма сильную поддержку со стороны историка-специалиста М. П. Погодина, а любовь къ малороссійской старинѣ сблизила его съ М. А. Максимовичемъ. Съ послѣднимъ знакомство началось еще въ 1829 году, «когда Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ

земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссянъ» (Кулишъ: «Записки о жизни Гоголя», I, 116). Этой мимолетной встрѣчей знакомство пока и ограничилось: Гоголь до 1832 года не выѣзжалъ изъ Петербурга во внутреннія губерніи, а Максимовичъ, какъ профессоръ Московскаго университета, жилъ въ Москвѣ. Постоянныя же сношенія Гоголя съ Максимовичемъ, перешедшія вскорѣ въ тѣсную дружбу, начинаются съ осени 1832 года, когда Гоголь, на возвратномъ пути изъ деревни въ Петербургъ, проѣздомъ черезъ Москву, въ октябрѣ мѣсяцѣ, посѣтилъ Максимовича не только какъ земляка¹⁾, но и какъ издателя малороссійскихъ пѣсенъ²⁾. Пѣсни эти и послужили ближайшимъ поводомъ къ ихъ сближенію. Для задуманнаго въ это время Максимовичемъ втораго изданія этихъ пѣсенъ понадобилась виньетка въ національномъ стилѣ, и Гоголь вызвался заказать ее въ Петербургѣ одному художнику-земляку. Письмомъ Гоголя къ Максимовичу по поводу этой виньетки начинается ихъ переписка.

Что касается до времени знакомства Гоголя съ М. П. Погодинымъ, то оно опредѣляется записью въ дневникѣ Погодина между 11 іюня—7 іюля 1832 года: «Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ рассказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ женскомъ въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей»³⁾. По письмамъ Гоголя видно, что онъ пріѣхалъ въ 1832 году въ Москву (направляясь къ себѣ въ деревню) въ послѣднихъ числахъ іюня, а 8-го іюля онъ уже былъ въ Подольскѣ, на первой станціи отъ Москвы, по дорогѣ въ Малороссію (Кулишъ, V, 156—157). Слѣдовательно, знакомство его съ Погодинымъ состоялось въ концѣ іюня или началѣ іюля 1832 года. Изъ вышеприведенной выписки изъ дневника Погодина видно, на сколько Гоголь увлеченъ былъ въ это время историческими работами. При первомъ же знакомствѣ главной темой ихъ разговоровъ была исторія Малороссіи и курсъ исторіи, читанный Гоголемъ въ Патріотическомъ институтѣ, которымъ Гоголь на столько увлекался, что наговорилъ Погодину «много чудесъ» объ немъ. Конечно, тѣ, кто склоненъ отыскивать въ Гоголѣ разныя непривлекательныя качества, примутъ его историческіе разговоры съ Погодинымъ за хвастовство, за ничѣмъ не оправдывае-

¹⁾ М. А. Максимовичъ род. 3-го сентября 1804 года въ хуторѣ Тимковщина, близъ города Золотоноши, Полтавской губерніи. (См. С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ», Журналъ Мин. Нар. Пров. 1871 г., X, 176). Ф. В.

²⁾ С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ» Журналъ Мин. Нар. Пров. 1871 г., X, 192—193. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ изданъ Максимовичемъ въ 1827 году. Ф. В.

³⁾ Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, IV, 113—114. Ф. В.

мыя претензіи малознающаго, но много о себѣ думающаго человека. На мой же взглядъ, само подобное отношеніе къ Гоголю есть не что иное, какъ ни на чемъ не основанное предубѣжденіе, не находящее себѣ подтвержденія ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ фактовъ, если разсматривать ихъ спокойно и безпристрастно. Было бы въ высшей степени важно разъяснить происхожденіе этихъ предубѣжденій, но для этого потребуется очень пристальный и до мелочей подробный психологическій анализъ какъ самого Гоголя, такъ и тѣхъ его современниковъ, глазами которыхъ мы до сихъ поръ смотримъ на Гоголя. Подобный анализъ, конечно, долженъ послужить предметомъ отдѣльной статьи, и поэтому я не буду здѣсь входить ни въ какія подробности по поводу существующихъ у насъ предубѣжденій относительно Гоголя и его личнаго характера, и ограничусь только категорическимъ заявленіемъ, что мое личное знакомство съ напечатаннымъ біографическимъ матеріаломъ о Гоголѣ привело меня къ положительному и опредѣленному выводу, который можно формулировать словами перваго его біографа Кулиша: «Гоголь самъ—лучшій свой біографъ, и если бы были напечатаны всѣ его письма, то не много нужно было бы прибавить къ нимъ объясненій для уразумѣнія исторіи его внутренней жизни» (Записки о жизни Гоголя, I, 87).

Къ этимъ вполнѣ вѣрнымъ словамъ Кулиша надо прибавить то, что высказали о Гоголѣ, вскорѣ послѣ его смерти, лица, короче другихъ его знавшія. Погодинъ, напримѣръ, совершенно справедливо замѣтилъ въ одномъ изъ номеровъ «Москвитянина» (1854 г., т. IV, отд. IV, стр. 35): «Мы увѣрены, что когда пройдетъ время крайнихъ взглядовъ на Гоголя, когда возьмутъ въ расчетъ, что онъ былъ высоконравственный писатель, и слѣдовательно не могъ быть дурнымъ человекомъ, а съ другой стороны, что онъ былъ, всетаки, человекъ и не лишентъ былъ человѣческихъ слабостей, какъ не были лишены ихъ Ломоносовъ, Фонвизинъ, Жуковский, Пушкинъ и другія высокія личности, то мы будемъ имѣть настоящую біографію Гоголя». И это сказано человекомъ, имѣвшимъ личныя и весьма тяжелыя столкновенія съ Гоголемъ!

Другой современникъ Гоголя, С. Т. Аксаковъ, свидѣтельствуетъ въ своей «Исторіи знакомства съ Гоголемъ» («Русскій Архивъ», 1891, VIII, 12) о долговременной и тяжелой исторіи неполнаго пониманія Гоголя людьми, самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями. Эти тяжелыя недоразумѣнія, принесшія много горькихъ минутъ и Гоголю, и его друзьямъ, С. Т. Аксаковъ объяснялъ тѣмъ, что «безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти». При отсутствіи же такой безусловной довѣренности, ничего нѣтъ мудренаго, что въ отношенія къ нему его друзей вступали разныя недоразумѣнія и подозрѣнія, проистекавшія отъ не-

пониманія. А какъ велико было это непониманіе, показываетъ фактъ, что первый слухъ о сумашествіи Гоголя пущенъ былъ изъ той же, такъ горячо его любившей, семьи Аксаковыхъ (см. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова, «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 155)¹⁾.

На основаніи этихъ признаній современниковъ и друзей Гоголя, также какъ и на основаніи всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ фактовъ, я полагаю, что намъ пора отказаться отъ привычки заподозрѣвать всякое душевное движеніе Гоголя, пора отнестись къ нему проще, спокойнѣе и смотрѣть на него, какъ на человѣка, увлекавшагося и въ увлеченіи создававшаго себѣ грандіозныя, широкія задачи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка вполне искренняго и правдиваго, слова и поступки котораго надо понимать и принимать въ прямомъ смыслѣ, не стараясь отыскивать въ нихъ того, чего въ нихъ не было. Поэтому и на увлеченіе его исторіей надо смотрѣть не какъ на хвастовство, а именно какъ на увлеченіе, въ которомъ онъ искренно, безъ всякаго желанія хвастать и преувеличивать свои знанія и свои ученныя способности, считалъ себя способнымъ къ серьезному и небезплодному научному труду. И самъ Погодинъ такъ и взглянулъ на него при первомъ же знакомствѣ. Упомянувъ о происходившихъ между ними разговорахъ объ исторіи Малороссіи, задуманной Гоголемъ, Погодинъ прибавляетъ въ своемъ дневникѣ: «Большая надежда, если возстанется его здоровье». Очевидно, въ этихъ бесѣдахъ Гоголь не просто хвастался, а высказалъ свой взглядъ на историческія событія и показали достаточную степень ихъ пониманія.

Разсказы Гоголя о своихъ лекціяхъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ такъ заинтересовали Погодина, что онъ тотчасъ же обратился къ Плетневу²⁾ съ просьбой прислать ему для просмотра тетради Гоголевскихъ ученицъ. Отвѣтъ Плетнева особенно для насъ интересенъ: «Не думаю, чтобы тетради ученицъ Гоголя могли вамъ на что нибудь пригодиться,—писалъ онъ Погодину.— Ихъ разсказъ уроковъ его очень приятенъ, потому что

¹⁾ Только послѣ смерти Гоголя, въ 1852 году, ознакомившись съ оставшимися послѣ него бумагами, разборомъ которыхъ занимался С. П. Шевыревъ, С. Т. Аксаковъ понялъ все значеніе тѣхъ недоразумѣній, которыя происходили между Гоголемъ и его друзьями. «Отъ всей души благодарю васъ, — писалъ онъ Шевыреву, — за письмо ваше и за извѣщеніе о бумагахъ покойнаго друга нашего (то-есть Гоголя). Все найденное вами драгоценно для насъ и все свидѣтельствуетъ, изъ какихъ трудовъ и святыхъ стремленій состояла непорочная жизнь его!.. Его обращеніе къ друзьямъ такъ заволновало мою душу, что я не скоро пришелъ въ состояніе его дослушать. Каждое слово въ немъ—святая правда и священный залогъ его къ намъ дружбы» («Русскій Архивъ», 1878, т. II, стр. 53).
Ф. В.

²⁾ Плетневъ былъ въ это время инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ.
Ф. В.

Гоголь останавливаетъ вниманіе ученицъ больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ. Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, то-есть съ ошибками грамматическими, логическими и пр., и пр. Что касается до порядка въ исторіи, или какого нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія — этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же превосходитъ товарищей своихъ, какъ учитель, чѣмъ онъ выше сталъ многихъ, какъ писатель, то-есть силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе¹⁾.

Письмо это вполне объясняетъ намъ, чѣмъ увлекался Гоголь въ своемъ преподаваніи. По свидѣтельству непосредственнаго его начальника, отвѣты его ученицъ были «очень пріятны», отличаясь не столько стройностью и систематичностью въ изложеніи историческихъ событій, сколько картинностью, благодаря тому, что самъ Гоголь останавливался въ своемъ преподаваніи болѣе всего на подробностяхъ, при помощи которыхъ воссоздавалъ передъ своими слушательницами цѣлыя историческія картины, сообщая имъ «чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе». Очевидно, въ немъ сказывался, незамѣтно для него самого, болѣе всего поэтъ, а не ученый. Но, конечно, его ученицы не могли въ своей передачѣ, особенно письменной, сохранить всю поэтическую прелесть Гоголевскаго повѣствованія, и записки ихъ неизбѣжно должны были представлять блѣдную и уродливую копию Гоголевскихъ лекцій, наполненную, вдобавокъ, грамматическими и логическими ошибками. Въ сущности, Гоголь ничего другаго и не могъ сдѣлать по своему предмету. Надо вспомнить, что у него въ рукахъ былъ очень скудный матеріалъ. По свидѣтельству Погодина, преподававшаго въ это время всеобщую исторію въ Московскомъ университетѣ, тогдашніе студенты, кромѣ лекцій, не имѣли возможности пользоваться никакими посторонними пособіями для науки, ибо ученая русская литература была очень бѣдна, а иностранныя книги дороги, рѣдки и часто недоступны для нихъ по незнанію языковъ, на коихъ онѣ писаны. Поэтому профессору прежде всего приходилось позаботиться объ изданіи руководства. Но при этомъ Погодинъ чистосердечно сознавался, что онъ былъ не въ силахъ написать вскорѣ такое руководство, ибо не всѣ части исторіи были ему равно знакомы³⁾. Вотъ каково было въ то время положеніе даже университетскаго профессора, нѣсколько лѣтъ уже преподававшаго всеобщую исторію. Что же мудренаго, что Гоголевскіе уроки исторіи не отличались особеннымъ научнымъ достоинствомъ.

¹⁾ Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 114.

Ф. В.

²⁾ Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 138.

Ф. В.

Знакомство Гоголя съ Погодинымъ и Максимовичемъ еще болѣе усилило въ немъ увлеченіе историческими вопросами, а это увлеченіе увеличило, въ свою очередь, ту раздвоенность въ душѣ Гоголя, о которой говорено было выше и которая причиняла ему не мало душевныхъ тревогъ и мученій: сознательно онъ увлекался исторіей, бессознательно—отдавался во власть поэтическому вдохновенію. Очевидно, эти два противоположныя настроенія, сталкиваясь въ душѣ Гоголя, взаимно мѣшали другъ другу, парализовали другъ друга, и въ результатѣ получалась мучительная бездѣйственность, на которую онъ не разъ жалуется въ своихъ письмахъ. «Вы спрашиваете о «Вечерахъ Диканскихъ», — писалъ онъ Погодину 1-го февраля 1833 г. изъ С.-Петербурга (Кулишъ, V, 168—169). — Чортъ съ ними! я не издаю ихъ; и хотя денежные пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже забылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ, Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, пока мѣсть что нибудь увѣсисто, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается...».

Пренебреженіе къ «Вечерамъ» и къ тѣмъ «сказкамъ», изъ которыхъ они составлены, объясняется, какъ увидимъ далѣе, тѣмъ, что въ это время въ головѣ Гоголя созрѣлъ уже сюжетъ для новаго произведенія, драматическаго («Владиміръ 3-й степени»), которое, однако, «не пошло у него изъ головы» (по выраженію Плетнева).

Въ такомъ же неподвижномъ положеніи находились и его историческія занятія, съ одной стороны — отъ той же причины, отъ которой не двигалось и его поэтическое творчество, то-есть отъ раздвоенности его влеченій; съ другой—эта научная бездѣятельность его проистекала отъ бѣдности матеріала. «Нельзя ли напечатать скорѣй афоризмы¹⁾, — писалъ онъ Погодину 8-го мая 1833 года изъ С.-Петербурга. — У меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣчалъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть, выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая» (Кулишъ, V, 179). Единственный живой матеріалъ представляли для него народныя малороссійскія пѣсни, о которыхъ

¹⁾ «Историческіе афоризмы» Погодина вышли въ 1836 году. Ф. В.

часто и съ большимъ увлеченіемъ писалъ онъ Максимовичу. «Вы не можете представить,—читаемъ въ его письмѣ къ Максимовичу 9-го ноября 1833 г.,—какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже пох—я: онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедшихъ людей»¹⁾.

Въ это время между пріятелями Гоголя возникаетъ мысль о его профессурѣ въ университетѣ, и это даетъ новую пищу его увлеченію исторіей. Обыкновенно думаютъ, что мысль эта принадлежитъ самому Гоголю, и потому въ той настойчивости, съ которою онъ добивался университетской каѳедры, видятъ явное доказательство его хвастливой самоувѣренности въ своихъ историческихъ познаніяхъ и профессорскихъ способностяхъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы сейчасъ увидимъ, дѣло было не такъ.

Первое предложеніе о занятіи каѳедры въ университетѣ (Московскомъ) сдѣлано было Гоголю еще въ 1830 или 1831 г. (см. приводимое далѣе письмо его къ Пушкину), но онъ не придалъ ему тогда никакого значенія. Въ 1833 году вновь возникаетъ мысль о профессурѣ Гоголя, но уже не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, и инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ опять-таки не самому Гоголю, а Максимовичу. Въ этомъ году учрежденъ былъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, и Максимовичъ, принявшись хлопотать о перемѣщеніи своемъ туда, задумалъ переманить туда и Гоголя. Въ отвѣтъ на предложеніе объ этомъ Гоголь писалъ Максимовичу:

«Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, неправда? Тамъ, или вокругъ него, дѣялись дѣла старины нашей... Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находить страхъ: можетъ быть, я не успѣю!... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра... Но меня смущаетъ, если это не исполнится!.. Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то нѣмцевъ: это тоже не очень пріятно! Хотя бы для св. Владиміра побольше славянъ! Нужно будетъ стараться кого нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно-просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою» (стр. 27). Въ письмѣ къ Максимовичу отъ 12-го февраля 1834 года Гоголь опять упоминаетъ о предложеніи Максимовича насчетъ кіевской

¹⁾ С. Пономаревъ: «Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу», въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. имп. акад. наукъ, т. XVIII, № 3, стр. 26. Всѣ ссылки на письма Гоголя къ Максимовичу, которыя попадутся далѣе, я дѣлаю по этому изданію Пономарева, какъ болѣе исправному, чѣмъ у Кулиша. Поэтому повторять заглавія больше не буду, а ограничусь только указаніемъ страницъ. Ф. В.

каедры: «Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ. Я думаю ѣхать» (стр. 28). Самъ Максимовичъ въ своей автобіографіи, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, рассказываетъ: «Учрежденіе университета св. Владиміра въ Кіевѣ, послѣдовавшее 8-го ноября 1833 года, въ день св. Арх. Михаила, издревле принятаго въ гербъ Кіеву, повлекло его туда неодолимою силою. Туда же съ нимъ согласился было ѣхать и незабвенный землякъ его Гоголь» (Биографич. словарь професс. Московск. унив., II, 10).

Очевидно, такимъ образомъ, что первую идею о профессурѣ въ Кіевскомъ университетѣ далъ Гоголю Максимовичъ, и слѣдовательно она вовсе не была плодомъ самонадѣянности и самоувѣренности Гоголя. Окончательное и совершенно ясное подтвержденіе этого находимъ въ письмѣ Гоголя къ Максимовичу отъ 12-го марта 1834 года: «Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гадки о томъ» (стр. 29)¹⁾.

Предложеніе Максимовича насчетъ профессуры въ Кіевѣ было, впрочемъ, уже не первое. Года за три до него Гоголю предлагали каедру въ Московскомъ университетѣ, но тогда министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь Ливень, съ которымъ Гоголь не хотѣлъ имѣть дѣла. Кто и при какихъ обстоятельствахъ дѣлалъ ему такое предложеніе, остается неизвѣстнымъ, потому что мы имѣемъ одно только неясное упоминаніе объ этомъ предложеніи въ письмѣ Гоголя къ Пушкину. Рассказывая ему о своихъ хлопотахъ по поводу профессуры въ Кіевѣ, онъ писалъ (23-го декабря 1833 г.): «Я рѣшился, однакожь, не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу. Если бы Уваровъ²⁾ былъ изъ тѣхъ, какихъ не мало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадь тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливень, человекъ ума недалняго» («Русскій Архивъ» 1880 г., т. II, стр. 512).

Но между тѣмъ какъ хлопоты Максимовича увѣнчались успѣхомъ и 4-го мая 1834 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ³⁾, домогательства Гоголя встрѣтили препятствія, виною которыхъ частію былъ онъ самъ, главнымъ же образомъ — тогдашній попечитель Кіевского округа Бадке, желавшій пригласить на каедру всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ профессора Харьковскаго университета Цыха. «Что ты пишешь про Цыха?—спрашивалъ Гоголь Макси-

¹⁾ «Ни гадки», то-есть не гадаеть, не думаетъ.

Ф. В.

²⁾ Новый министръ народнаго просвѣщенія.

Ф. В.

³⁾ С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ», Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1871 г., X, 198.

Ф. В.

мовича 29-го марта 1834 г., — развѣ есть какое нибудь официальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непременно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ дають только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непременно сдѣлають ординарнымъ; и признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами» (стр. 31).

Не смотря, однако, на обѣщаніе министра, Гоголь очень хорошо понималъ, что безъ формальнаго согласія попечителя назначеніе его врядъ ли можетъ состояться, и потому писалъ Максимовичу 20-го апрѣля 1834 г.: «Да кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Бадке чуть ли не больше значать, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ ¹⁾? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Бадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина. Онъ, сколько я замѣтилъ, основывается на видимомъ авторитетѣ и на занимаемомъ мѣстѣ. Ты, будучи ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, во мнѣніи его много значишь. Я же бѣдный — почти нуль для него: грѣшныхъ сочиненій моихъ онъ не читывалъ, имени не слыхивалъ, — стало быть, ему нечего и безпокоиться обо мнѣ. Тѣмъ болѣе мнѣ это нужно, что министръ, кажется, расположенъ сдѣлать для меня все, что можно, если бы только попечитель ему хотя слово прибавилъ отъ себя» (стр. 32). Это письмо обыкновенно приводится, какъ доказательство чуть не нахальства со стороны Гоголя, не стѣснявшагося будто бы прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ заказывать своимъ пріятелямъ похвалы небывалымъ своимъ достоинствамъ передъ официальными лицами ²⁾. Но подобное пониманіе этого письма служить только однимъ изъ доказательствъ тѣхъ предубѣжденій противъ Гоголя, о которыхъ я упоминалъ выше. Въ дѣйствительности же это письмо

¹⁾ О Гоголѣ хлопотали передъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ Жуковскій, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Левашевъ, Дашковъ, профессоръ Никитенко. Ф. В.

²⁾ См., напр., статью О. Ѳ. Миллера: «Гоголь въ его письмахъ, 1820—1842 г.», въ «Русской Старинѣ» 1875, т. XIV, стр. 106. Кстати сказать, вся эта статья проникнута такимъ пристрастно-враждебнымъ отношеніемъ къ Гоголю, что приходится сожалѣть, что авторомъ ея былъ многоуважаемый Орестъ Ѳедоровичъ. Я слышалъ, впрочемъ, отъ лица, близкаго къ покойному О. Ѳ. Миллеру, что онъ самъ впоследствии сожалѣлъ, что написалъ ее. Ф. В.

Гоголя выражаетъ его пренебрежительный взглядъ на Брадке, котораго онъ считалъ человѣкомъ, ничего не понимающимъ, на все смотрящимъ съ формальной, чиновничьей точки зрѣнія, съ которымъ, поэтому, и разсуждать нечего, а приходится дѣйствовать на него тѣми средствами, какія казались Гоголю наиболѣе дѣйствительными. Это пренебрежительное отношеніе совершенно ясно обнаруживается въ совѣтѣ говорить съ нимъ языкомъ Булгарина и Греча. Уже одинъ этотъ совѣтъ показываетъ, что Гоголь не придавалъ никакого серьезнаго нравственнаго значенія своей просьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ его взглядъ на тотъ чиновничій міръ, среди котораго имѣли такой успѣхъ произведенія Греча, Булгарина и Сенковскаго. До совершенства постигнувъ всю безсодержательность, все нравственное убожество этого міра и мастерски изобразивъ намъ его въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, онъ и въ частныхъ сношеніяхъ своихъ выражалъ, конечно, тотъ же взглядъ. Сообщая, напр., Погодину о выходѣ перваго номера Смирдинской «Библіотеки для чтенія», редакторомъ которой былъ Сенковскій, Гоголь, сравнивъ Сенковскаго съ кабацкимъ забулдыгой, такъ характеризуетъ читателей новаго журнала: «Сословіе, стоящее выше Брамбеусины ¹⁾, негодуетъ на бесстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «С—ъ С—ъ, какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшныя, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства» (Кулишъ, V, 195).

Очевидно, онъ и кіевскаго попечителя относилъ именно къ числу тѣхъ начальниковъ отдѣленій и директоровъ департаментовъ, которые восхищались слогомъ Греча и Булгарина и помирали со смѣху, читая «Библіотеку для чтенія». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ Максимовичу онъ очень невысоко поставилъ Брадке даже какъ чиновника: «Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ мною и другими достовѣрными людьми, оказывается, что нашъ Брадке знаетъ славно экзекуторскую должность при университетѣ; высшая же оркестровка не такъ имъ сподручна» ²⁾ (стр. 38). Доказательствомъ, что разсматриваемое нами

¹⁾ Сенковскій писалъ подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса. Ф. В.

²⁾ Должно замѣтить, что Гоголь сильно ошибался въ своемъ взглядѣ на Брадке. Напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г. (т. I, стр. 257—294) «Автобіографическія записки Егора Федоровича фонъ-Брадке» рисуютъ его съ болѣе симпатичной стороны. Странно только, что Брадке вовсе не упоминаетъ о своихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, хотя изъ писемъ послѣдняго мы знаемъ, что въ бытность Брадке въ Петербургѣ Гоголь былъ у него по поводу своей кандидатуры на кіевскую кафедру, а по отъѣздѣ Брадке въ Кіевъ получилъ отъ него письмо по тому же поводу.

письмо Гоголя къ Максимовичу не имѣло въ глазахъ Гоголя никакого особеннаго нравственнаго значенія, а онъ просто указывалъ въ немъ на обычный въ сношеніяхъ съ чиновниками приемъ, служить письмо его къ Максимовичу отъ 1-го іюля 1834 г., въ которомъ онъ проситъ похлопотать объ опредѣленіи въ Кіевскій округъ одного изъ пріятелей своихъ, Шаржинскаго, и при этомъ даетъ точно такой же по смыслу совѣтъ о томъ, какъ надо говорить съ Брадке объ этомъ дѣлѣ (стр. 40 и 42). Въ такомъ же смыслѣ даетъ онъ совѣты и Пушкину, прося его похлопотать о кіевской каедрѣ передъ С. С. Уваровымъ («Русскій Архивъ» 1880 г., II, 512). Очевидно, въ совѣтахъ этихъ выразился выработанный Гоголемъ приемъ для сношеній съ официальными лицами, и слѣдовательно они не имѣютъ никакого личнаго отношенія къ самому Гоголю.

Брадке, впрочемъ, не особенно противился появленію Гоголя на кіевской каедрѣ. Онъ только не хотѣлъ поручить ему чтеніе всеобщей исторіи, для которой именно и пригласилъ Цыха; Гоголю же предоставлялъ лекціи по русской исторіи. Это приводило Гоголя въ отчаяніе, и онъ писалъ по этому поводу Максимовичу (28-го мая 1834 г.): «Мои обстоятельства очень странны: Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, но, однако-жъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня, не знаю для чего, здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каедру русской исторіи, что сіе де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего приѣзда, хотя бы это было черезъ годъ. А теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло, какъ нарочно. Право, странно они воображаютъ, что различіе предметовъ это такая маловажность, и что кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію» (стр. 34).

Дѣло въ томъ, что русская исторія вовсе не интересовала Гоголя, и онъ ничего въ ней не видѣлъ, кромѣ скуки. «Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологию, нежели русскую исторію,—писалъ онъ Максимовичу 10-го іюня 1834 года,—если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ» (стр. 36—37).

Пока шли эти переговоры о Кіевѣ, Погодинъ въ длинномъ письмѣ предложилъ Гоголю проситься адъюнктомъ исторіи въ Московскій университетъ. Но Гоголь отвѣтилъ (23-го іюня 1834 г.): «Письмо твое, противъ обыкновенія довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругомъ), я полу-

чиль сего 20-го юня и заранѣе догадывался, что дѣло, должно быть, важное. На предложеніе твое объ адъюнктствѣ я вотъ что скажу тебѣ. Я недавно только что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непременно, также и труды мои ¹⁾. Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства ²⁾, которое если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе. Прося профессорства въ Кіевъ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; но взявши московскаго адъюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго петербургскаго. Итакъ ты видишь физически невозможнымъ мое перемѣщеніе ³⁾. Главная же причина отказа Гоголя отъ каедры въ Москвѣ заключалась, по всей вѣроятности, въ томъ, что онъ уже свыкъся, такъ сказать, съ мыслию о Кіевѣ, и мечты о жизни въ этой «матери городовъ русскихъ» уже вполне овладѣли его воображеніемъ. Считаая свое перемѣщеніе въ Кіевъ почти уже окончательно рѣшеннымъ, онъ мечталъ даже «завестись домкомъ въ Кіевѣ» и радовался, что Максимовичъ, пріѣхавъ туда раньше его, можетъ пріискать и мѣсто для постройки дома (письма къ Максимовичу, стр. 38).

Но всѣмъ этимъ мечтамъ Гоголя о жизни на югѣ, вблизи родины, въ благодатной Украинѣ, не суждено было сбыться, въ чемъ отчасти онъ самъ былъ виноватъ, предъявивъ требованія, которыя министръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить (званіе ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. См. «Дневникъ А. В. Никитенко», «Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). вмѣсто экстраординарнаго профессорства въ Кіевѣ, на что уже соглашался, какъ мы видѣли, С. С. Уваровъ, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по всеобщей исторіи въ С.-Петербургскій университетъ, о чемъ и извѣстилъ Погодина въ письмѣ отъ 23-го іюля 1834 г.: «Я на время рѣшился занять здѣсь каедрю исторіи, и именно среднихъ вѣковъ». Максимовичу же онъ подробно разсказалъ объ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ.

«Что мнѣ было дѣлать съ вашимъ Бракке!—писалъ онъ ему 14-го августа 1834 года,—обѣщать и не исполнить обѣщаннаго—развѣ такъ можно дѣлать? Жуковскій писалъ къ нему, что министръ наконецъ согласенъ мнѣ дать экстраординарнаго профессора и что отъ него теперь зависитъ. Въ отвѣтъ было получено письмо, что онъ, Бракке, согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили) и что это мѣсто для меня очень выгодное

¹⁾ То-есть занятія исторіей Малороссіи.

Ф. В.

²⁾ Неужели это языкъ хвастливаго и самонадѣяннаго человѣка?

Ф. В.

³⁾ Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 193.

Ф. В.

(какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости). Я заключилъ, что я не нуженъ, что я не имѣю счастья нравиться попечителю; стало быть, съ моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тѣмъ болѣе дѣйствовать мимо его. Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непременно въ Гетманщину, какъ здѣшній попечитель кн. Корсаковъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять кафедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ черезъ три мѣсяца экстраординарнаго профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть посписходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту» (стр. 41).

Такимъ образомъ, на службу свою въ Петербургскомъ университетѣ Гоголь смотрѣлъ, какъ на временную, не оставляя надежды перевестись впослѣдствіи въ Кіевъ. Сверхъ того, оказывается, что и на петербургскую кафедру онъ попалъ не по собственной инициативѣ, а по предложенію попечителя, съ которымъ сблизилъ его А. В. Никитенко («Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Слѣдовательно, ни о какомъ самохвальствѣ Гоголя, ни о какомъ высококомъ его мнѣніи о своихъ ученыхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи. Самая мысль о его профессурѣ пришла въ голову не ему, а его друзьямъ-профессорамъ. Онъ только ухватился за нее и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ стремился къ ея осуществленію. Конечно, онъ долженъ былъ думать, что университетское преподаваніе будетъ ему по силамъ, иначе онъ, безъ сомнѣнія, не сталъ бы и хлопотать. Но въ этомъ нельзя видѣть никакого самообольщенія: вѣдь сами университетскіе профессора подали ему мысль о его пригодности для университетскаго преподаванія. Какія же тутъ могли быть сомнѣнія? Профессоръ А. В. Никитенко объясняетъ, правда, свое ходатайство за Гоголя его самоувѣренностью. «Признаюсь,—писалъ онъ въ дневникѣ 21-го февраля 1835 года,—и я подумалъ, что человекъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстраординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его адъюнктомъ» («Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Но объясненіе это, какъ записанное *post factum*, уже по оставленіи Гоголемъ ка-

едры въ университетѣ, нисколько не ослабляетъ значенія того обстоятельства, что Никитенко, вмѣстѣ съ Погодинымъ и Максимовичемъ, хлопоталъ о профессурѣ Гоголя. Неужели всѣ эти профессора, а вмѣстѣ съ ними и Жуковский, и Пушкинъ, и кн. Вяземскій, и Дашковъ, и Левашевъ хлопотали о Гоголѣ только потому, что были введены въ заблужденіе его самоувѣренностью? Не вѣрнѣ ли предположить, что сама эта самоувѣренность могла явиться у Гоголя именно вслѣдствіе того, что сами пріятели его, профессора, первые внушили ему мысль о профессурѣ.

Занявъ кафедру въ университетѣ, Гоголь думалъ освободиться отъ всѣхъ другихъ занятій и потому писалъ матери 1-го августа 1834 г.: ...«Я скинулъ съ себя лишнюю обузу и отказался отъ другихъ занятій. Я теперь только профессоръ здѣшняго университета и больше никакой не имѣю должности, потому что и не имѣю желанія занять, и не имѣю времени» (Кулишъ, V, 222). Но изъ письма его къ Жуковскому, писаннаго почти черезъ годъ (15-го іюля 1835 г. изъ Полтавы), видно, что онъ не только состоялъ въ этомъ году преподавателемъ Патріотическаго института, но даже просилъ Жуковского похлопотать о томъ, чтобы мѣсто это осталось за нимъ и впредь, такъ какъ онъ получилъ «извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи», что мѣсто его въ Патріотическомъ институтѣ «долженствуетъ замѣститься другимъ» («Русскій Архивъ» 1871, № 4—5, стр. 949). Просилъ ли кого Жуковский о сохраненіи за Гоголемъ уроковъ въ Патріотическомъ институтѣ, неизвѣстно, но съ осени 1835 г. Гоголь дѣйствительно остался при одномъ жалованнѣ адъюнкта и вслѣдствіе этого сильно бѣдствовалъ. 7-го октября 1835 г. онъ писалъ Пушкину: «Сдѣлайте милость, дайте какойнибудь сюжетъ, хоть какойнибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣсть. Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь—куда смѣшнѣе чорта. Ради Бога: умъ и желудокъ мой оба голодаютъ» («Русскій Архивъ» 1880, II, 514). Письмо это еще разъ подтверждаетъ, что поэтическое творчество шло у Гоголя рядомъ съ занятіями исторіей.

Этимъ нѣсколько лѣтъ продолжавшимся увлеченіемъ Гоголя исторіей объясняются его широкія и хвастливыя на первый взглядъ затѣи: то написать и издать всеобщую исторію и всеобщую географію въ двухъ или трехъ томахъ, подъ названіемъ «Земля и люди»; то написать исторію Малороссіи въ шести малыхъ или четырехъ большихъ томахъ; то «дернуть» исторію среднихъ вѣковъ, которая «будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9» (Кулишъ,

V, 168, 174, 198, 226, 231, 232). Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ Гоголя гораздо болѣе увлеченія, чѣмъ самохвальства и самообольщенія,—увлеченія, вообще свойственнаго всѣмъ искренно и серьезно предавшимся какому либо дѣлу. Подобныя несбывшіяся и съ виду хвастливыя намѣренія встрѣчаются въ біографіяхъ многихъ выдающихся дѣятелей. Бѣлинскій, напр., напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г. (т. XV, отд. II, стр. 13—64) статью свою: «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», въ примѣчаніи къ ней объявилъ печатно, что онъ намѣренъ издать «Теоретическій и критическій курсъ русской литературы», и предлагаемая статья есть отрывокъ изъ этого сочиненія. Книга должна была выйдти въ началѣ 1842 года, объемомъ болѣе 30 листовъ «компактнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца среднимъ и мелкимъ шрифтомъ». Однако, не смотря на такое определенное обѣщаніе, намѣреніе Бѣлинскаго такъ и осталось неисполненнымъ, и обѣщанная книга вовсе не появилась, а вмѣсто нея мы имѣемъ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго.

Первое изъ поименованныхъ выше сочиненій Гоголя, представлявшее переработку его лекцій въ Патріотическомъ институтѣ, онъ уже началъ печатать (въ февралѣ 1833 г.), но, увидавъ его недостатки, остановилъ печатаніе (Кулишъ, V, 174). Исторіей Малороссіи онъ занимался довольно долго. Начавъ собираніемъ матеріаловъ, онъ приступилъ въ 1833 г. къ ихъ обработкѣ. «Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украйны,—писалъ онъ Максимовичу 9-го ноября 1833 года.—Мнѣ кажется, что я совершу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 26). О томъ же писалъ онъ Погодину 11-го января 1834 г. (см. далѣе).

Изъ письма къ Максимовичу отъ 12-го февраля 1834 г. узнаемъ и о размѣрахъ этого труда: «Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ» (стр. 29). Изъ дальнѣйшихъ писемъ его къ Максимовичу видно, что эти занятія исторіей Малороссіи въ 1833 г. были повтореніемъ прежнихъ, начатыхъ давно, и въ 1833 г. онъ только перерабатывалъ написанное раньше. Сообщая ему 28-го мая 1834 г. о напечатанномъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отрывкѣ изъ введенія въ исторію Малороссіи, онъ замѣчаетъ, что сама исторія писана «очень давно»; а въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ на другой день, онъ добавляетъ, что «этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ» (стр. 34 и 35). 23-го августа 1834 г. онъ опять писалъ ему: «Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина

совершенно новая» (стр. 42). Сообщение это вполне согласуется съ тѣмъ, что онъ писалъ въ вышеприведенномъ объявленіи объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ. Г. Тихонравовъ въ примѣчаніи къ повѣсти «Тарась Бульба» («Сочиненія» Гоголя, изд. 10-е, I, 569—577) указываетъ и матеріалы для исторіи Малороссіи, бывшіе въ рукахъ Гоголя, какъ-то: малороссійскія лѣтописи (рукописныя и печатныя); «Описаніе Украйны», Бошлана; «Лѣтописецъ Малыя Россіи» въ журн. «Росс. Магаз.»; «Исторія Руссовъ», Конисскаго; «Малоросс. и червонорусск. народн. думы и пѣсни», сборникъ Лукашевича; «Исторія о казакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго, которою онъ могъ пользоваться и въ рукописи, и въ книгѣ Шперера: «Annales de la Petite Russie»; «Истор. гос. Росс.» Стрыйковскаго. Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить тѣ источники, указаніе на которые находимъ въ недавно напечатанной въ «Русской Старинѣ» (1892, мартъ, стр. 756—758) перепискѣ Гоголя съ извѣстнымъ славистомъ И. И. Срезневскимъ. Изъ этой переписки видно, что Гоголь довольно основательно былъ знакомъ съ тогдашней печатной и рукописной литературой по исторіи Малороссіи. Кромѣ изданнаго Срезневскимъ въ 1833 г. сборника: «Запорожская старина», Гоголь имѣлъ въ рукахъ сочиненія Конисскаго, Шафонскаго, Ригельмана; хорошо былъ знакомъ съ польскими историками, имѣлъ почти всѣ тѣ печатныя сочиненія, которыми пользовался Бантышъ-Каменскій, и, сверхъ того, работалъ въ какомъ-то петербургскомъ архивѣ. Самая переписка со Срезневскимъ возникла изъ-за напечатаннаго Гоголемъ объявленія объ «Исторіи Малороссіи». Будущій знаменитый славистъ тотчасъ откликнулся на этотъ вызовъ Гоголя и въ письмѣ къ нему выразилъ полную готовность дѣлиться съ Гоголемъ имѣвшимися въ его рукахъ матеріалами. Пока это—единственный, извѣстный намъ отвѣтъ на объявленіе Гоголя.

На сколько усердно собиралъ Гоголь матеріалы по исторіи Малороссіи и другихъ славянскихъ земель, показываетъ письмо его къ Максимовичу (23-го августа 1834 г.), въ которомъ онъ обращается къ нему съ такой просьбой: «Пронюхай, что есть путнаго въ вашей библіотекѣ (въ Кіевск. унив.), относящагося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручилъ кому нибудь составить имъ маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію... Есть ли что нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... А у монаховъ неужели ни...? Это жаль» (стр. 42). Съ подобною же просьбою онъ обращался и къ Погодину (въ письмѣ 18-го января 1836 г.): «Не можешь ли ты чего нибудь мнѣ выкопать о славянахъ? Сдѣлай милость. Можетъ быть, ты составилъ какія нибудь выписки изъ разнаго сору, и особенно что нибудь о Галиціи древней и новой. Нѣтъ ли гдѣ какого нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч.?» (Кулишъ, V, 249). Черезъ мѣсяцъ онъ повторилъ Погодину эту

просьбу: «Не можешь ли прислать мнѣ каталога книгъ, приобретаемыхъ и не приобретаемыхъ, относительно славянской исторіи и литературы—очень обяжешь, и, если можно, въ двухъ-трехъ словахъ означить достоинство каждой и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезна» (Кулишъ, V, 252). Все это свидѣтельствуетъ о серьезномъ и сильномъ интересѣ къ историческимъ сочиненіямъ и матеріаламъ со стороны Гоголя, и слѣдовательно его широкія задачи въ области исторіи не были простымъ и пустымъ хвостовствомъ. Сообщая своимъ друзьямъ о предполагавшихся имъ историческихъ сочиненіяхъ, Гоголь былъ искренно увѣренъ, что онъ дѣйствительно напишетъ всѣ эти книги, и эта увѣренность поддерживалась въ немъ всѣмъ тѣмъ психологическимъ процессомъ, который возбуждали въ немъ занятія исторіей и чтеніе историческихъ сочиненій, тѣми мыслями, образами, картинами, обобщеніями, которые у него накопились и которые онъ считалъ совершенно достаточными для того, чтобы сдѣлаться историкомъ. «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всеобщую,—писалъ онъ Погодину 11-го января 1834 года,—и та, и другая у меня начинаютъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердить на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!» (Кулишъ, V, 196)¹). Въ напечатанной вскорѣ послѣ этого письма статьѣ своей: «Планъ преподаванія всеобщей исторіи» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, февраль), Гоголь высказываетъ тотъ же взглядъ на слогъ въ историческомъ изложеніи: «Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей... Возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ» («Сочиненія», изд. 10-е, V, 143—144).

Въ только что приведенномъ письмѣ Гоголя къ Погодину мы видимъ, что занятія исторіей благотвѣтельно дѣйствовали на него,

¹ Профессоръ Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ статьѣ Гоголя «Взглядъ на исторію Малороссіи» («Сочиненія», изд. 10-е, V, 577) утверждаетъ, будто самая исторія Малороссіи вовсе не была написана Гоголемъ. Но если это такъ, то какъ же могли попрекать его за слогъ въ сочиненіи, которое вовсе не было написано?
Ф. В.

сообщая ему «какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ». То же самое находимъ и въ письмѣ его къ Максимо-вичу (9-го ноября 1833 г.). Оправдываясь въ томъ, что не прислалъ ничего для составлявшагося въ это время Максимовичемъ альманаха «Денница», онъ писалъ: «Я вамъ въ другой разъ непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Если бы вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 26).

Эти слова Гоголя многое разъясняютъ намъ въ его неразгаданной до сихъ поръ духовной организаціи. Человѣкъ до крайности пылкій, восприимчивый, увлекающійся, всему отдающійся вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ, онъ больше всего волновался во время поэтического творчества. Когда оно давало результатъ, волненія эти разрѣшались сильнымъ и глубокимъ чувствомъ самоудовлетворенія. Но когда творчество замедлялось, когда являлись только творческія мечты, не могшія почему либо воплотиться въ художественное произведеніе, Гоголь чрезвычайно мучился и волновался, и эти душевныя страданія, въ свою очередь, являлись помѣхой для правильнаго поэтического творчества. Ничего не дѣлать, сидѣть сложа руки, мучиться и ждать наступленія творческаго момента онъ не могъ. Ему надо было чѣмъ нибудь занять себя. При другомъ характерѣ, при бѣльшей страстности, онъ могъ бы пуститься въ разгулъ. Но онъ былъ человѣкъ въ высшей степени нравственно воздержный, проникнутый высокими, идеальными стремленіями. А между тѣмъ клокотавшей въ немъ силѣ нуженъ былъ выходъ, нужно было приложеніе, занятіе. Историческія занятія по самому характеру своему удовлетворяли этой цѣли. По своему глубокому интересу, они привлекали вниманіе, заставляли на себѣ сосредоточиваться и такимъ образомъ служили матеріаломъ и для мысли, и для чувства, и для воображенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей эпической объективности и по отдаленности отъ интересовъ минуты, отъ текущаго настроенія, они приносили душевное спокойствіе, а это спокойствіе возвращало Гоголю мало-по-малу и поэтическое вдохновеніе. Конечно, спокойствіе, навѣваемое историческими занятіями, было относительное. По самому характеру своему, Гоголь принадлежалъ къ разряду лицъ, которыя ни къ чему серьезному и важному не могутъ относиться съ «благоразумнымъ» спокойствіемъ. Дѣлаясь, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ историческихъ занятій, равнодушнымъ и спокойнымъ

къ «житейскому», Гоголь вовсе не спокойно относился къ самимъ этимъ занятіямъ. Всѣмъ увлекаясь, ото всего воспламеняясь, онъ увлекался до крайности и этими занятіями, и тѣмъ потокомъ идей, который они въ немъ возбуждали. Примѣромъ такого увлеченія можетъ служить то мѣсто въ вышеприведенномъ письмѣ его къ Погодину отъ 11-го января 1834 года, гдѣ онъ съ восторгомъ говорить о массѣ «крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ» мыслей, порождаемыхъ въ немъ его историческими занятіями.

Уже одно это сильное и искреннее увлеченіе Гоголя исторіей лишаетъ насъ права насмѣшливо относиться къ его историческимъ занятіямъ и замысламъ. Что профессура не была его призваніемъ, это, конечно, врядъ ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Но въ его увлеченіи исторіей нѣтъ ничего смѣшнаго, а его историческія статьи (О среднихъ вѣкахъ, О преподаваніи всеобщей исторіи, Взглядъ на составленіе Малороссіи, Ал-Мамунъ, О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка) свидѣтельствуютъ о большой начитанности и объ умѣннѣй обобщать въ одну общую картину мелкія историческія подробности,—умѣннѣй, составляющемъ одну изъ принадлежностей хорошаго профессора исторіи. Въ письмахъ же его мы находимъ и другое качество, обязательное для всякаго ученаго: способность скептически и критически относиться къ своимъ собственнымъ научнымъ взглядамъ, мнѣніямъ и мыслямъ. Сообщая Погодину (20-го февраля 1833 г.) о томъ, что онъ началъ печатать сочиненіе свое «Земля и люди», онъ пишетъ: «Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается. Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую» (Кулишъ, V, 174).

Въ 1834 году появились въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» двѣ статьи Гоголя: «Взглядъ на составленіе Малороссіи» и «О малороссійскихъ пѣсняхъ», которыя заслужили одобрителный отзывъ со стороны Погодина. Но Гоголь не обольстился этой похвалой и отвѣтилъ своему московскому пріятелю: «Весьма радъ, что тебѣ понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я въ нихъ, особливо въ первой, мало нахожу того, что нужно бы и что можно бы сказать объ этомъ предметѣ» (Кулишъ, V, 214). Въ письмѣ къ нему же отъ 14-го декабря 1834 года онъ выражается еще рѣзче о своихъ историческихъ занятіяхъ: «Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ

быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ¹⁾, но я буду когданибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ» (Кулишъ, V, 228). Наконецъ, увѣдомляя (6-го декабря 1835 г.) Погодина о выходѣ изъ университета, онъ писалъ о своемъ профессорствѣ: «Въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня» (Кулишъ, V, 247).

Скептицизмъ этотъ поддерживался въ немъ поэтической дѣятельностью, которая, сталкиваясь съ его «историческими» увлеченіями, ослабляла ихъ и сама, въ свою очередь, встрѣчала въ нихъ помѣху. Отсюда, въ связи со множествомъ другихъ частію житейскихъ, частію литературныхъ обстоятельствъ, частые періоды бездѣйствія у Гоголя въ разсматриваемую нами эпоху его жизни. Въ эти минуты бездѣйствія, апатіи, душевной пустоты и вызываемой всѣмъ этимъ раздражительности, когда человѣку ни на что смотрѣть не хочется, все кажется ему мелкимъ, ничтожнымъ, не стоющимъ вниманія, Гоголь и на свои собственныя поэтическія произведенія смотрѣлъ съ пренебреженіемъ. Мы уже видѣли выше, съ какимъ раздраженіемъ отозвался онъ Погодину (въ письмѣ отъ 1-го февраля 1833 г.) о своихъ «Вечерахъ на хуторѣ». «Да обрекутся они неизвѣстности, — писалъ онъ, — покажьтесь чтонибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается»... Черезъ недѣлю (8-го февраля 1833 г.) онъ и матери писалъ: «Не дѣлаю совершенно ничего: можетъ быть, я изъ дому вывезъ съ собою лѣнь²⁾. И досадно, а ничего не хочется дѣлать» (Кулишъ, V, 170). Объ этомъ же апатичномъ своемъ состояніи онъ писалъ въ тотъ же день и другу своему А. С. Данилевскому: «Я вывезъ, однакожь, изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое» (Кулишъ, V, 171). Въ дальнѣйшихъ письмахъ его находимъ, наконецъ, и объясненіе этой апатіи. 20-го февраля 1833 года онъ сообщалъ Погодину: «Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не на-

¹⁾ Гоголю всего было въ это время 25 лѣтъ, обстоятельство, которое непременно надо принимать въ расчетъ, ибо возрастъ игралъ не послѣднюю роль въ увлеченіяхъ Гоголя. Ф. В.

²⁾ Вторую половину лѣта и начало осени предыдущаго 1832 года онъ провель у себя въ имѣніи. Ф. В.

писалъ. Уже и сюжетъ было началъ надняхъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и сколько злости, смѣху, соли ¹⁾! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыхъ цензура ни за что не пропуститъ. Чтò изъ того, когда пьеса не будетъ играна? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже кварталный не могъ бы обидѣться. Но чтò комедія безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аллодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы—и исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мысли ²⁾).

Но хотя исторія и летѣла къ чорту, тѣмъ не менѣе цитируемое письмо оканчивается такой припиской: «Хотѣлъ было предложить два историческіе вопроса, сильно меня занимавшіе,—не разрѣшишь ли? но послѣ. Они требуютъ много бумаги. Видишь? Я, не смотря, все таки, не могу совершенно освободиться отъ исторіи».

Сюжетъ новой комедіи на столько интересовалъ Гоголя, что онъ познакомилъ съ нимъ своихъ друзей, и одинъ изъ нихъ, Плетневъ, подѣлился этой радостью съ Жуковскимъ, находившимся въ это время въ Швейцаріи. «У Гоголя вертится на умѣ комедія,—писалъ онъ Жуковскому 8-го декабря 1832 года.—Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимою; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста» (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 522). Но черезъ два мѣсяца въ перепискѣ Плетнева съ Жуковскимъ встрѣчаемъ письмо, которое вполне подтверждаетъ только что приведенное письмо Гоголя къ Погодину. 17-го февраля 1833 года Плетневъ увѣдомлялъ Жуковскаго: «У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не писалъ. Еще есть другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона че-

¹⁾ Пьеса эта вполне вовсе не была написана. Отдѣльныя сцены ея, въ переработанномъ видѣ, явились впоследствии въ печати въ видѣ отдѣльныхъ пьесъ, подъ заглавіями: «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ». (См. «Сочиненія» Гоголя, изд. 10, II, 733—745). Ф. В.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1872 г., 2370. Здѣсь письмо это напечатано вполне, тогда какъ у Кулиша (V, 174—176) въ немъ сдѣланы довольно существенныя пропуски. Ф. В.

ловѣка иногда губить его духовную половину со всѣми въ ней зародышами» (тамъ же, III, 528)¹⁾.

Это бездѣйственное или, лучше сказать, бесплодное душевное состояніе продолжалось у Гоголя довольно долго. 2-го іюля 1833 года, слѣдовательно полгода спустя послѣ вышеприведеннаго письма его къ Погодину, онъ писалъ Максимовичу въ отвѣтъ на просьбу прислать что нибудь для альманаха «Денница»: «Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только» (стр. 25).

Всѣ эти жалобы Гоголя на овладѣвшую имъ бездѣйственность нельзя, конечно, принимать буквально, то-есть въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣйствительно ничего не писалъ въ это время. Мы видѣли выше, что въ это время задумана была имъ комедія «Владимиръ 3-й степени». Въ это же время онъ занятъ былъ изданіемъ «Пестрыхъ сказокъ» кн. В. Ѳ. Одоевскаго, о которыхъ писалъ А. С. Данилевскому (8-го февраля 1833 г.): «Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой нибудь случай и болѣе необходимость не заатачатъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. Надняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ «Пестрыя сказки». Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ» (Кулишъ, V, 172)²⁾. Сверхъ того, въ сотрудничествѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и Пушкинымъ Гоголь затѣвалъ въ это время издать очень оригинальный альманахъ, о которомъ кн. Одоевскій писалъ Пушкину (28-го сентября 1833 г.): «Скажите, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что дѣлаетъ нашъ почтенный г. Бѣлкинъ (псевдонимъ Пушкина)? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панекъ, по странному стеченію обстоятельствъ, описали: первый гостиную, второй чердакъ; нельзя ли г. Бѣлкину взять на свою отвѣтственность погребъ? Тогда бы вышелъ весь домъ въ три этажа, и можно было бы къ тройчаткѣ сдѣлать картину, представляющую разрѣзъ дома въ три этажа съ различными въ каждомъ сценами. Рудый Панекъ даже предлагалъ са-

¹⁾ О холодной квартирѣ, измучившей Гоголя, см. также письмо его къ матери отъ 24-го іюня 1833 г. (Кулишъ, V, 182).

²⁾ Сказки эти дѣйствительно вышли изъ печати въ концѣ февраля 1833 года, (цензурная помѣта 19-го февраля) подъ заглавіемъ: «Пестрыя сказки съ краснымъ словомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, магистромъ философіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, изданныя В. Везгласнымъ», Спб., 1833 г., 16°. Печатались онѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и по внѣшности представляютъ вполне изящное по тому времени изданіе.

мый альманахъ назвать такимъ образомъ: Тройчатка, или альманахъ въ три этажа, соч. и проч. Что на это скажетъ г. Бѣлкинъ? Его рѣшеніе нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспѣетъ и Тройчатка не выйдетъ къ новому году, что кажется необходимымъ» («Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 814). Но Пушкинъ, находившійся въ это время въ нижегородскомъ своемъ имѣніи Волдинѣ, тоже испытывалъ состояніе бездѣйствія и потому отвѣтилъ кн. Одоевскому: «Виновать, ваше сіятельство, кругомъ виновать! Приѣхавъ въ деревню, думалъ—распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщицья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидаетесь Бѣлкина; не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бываетъ ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозейки, ни на чердакѣ Панькѣ! Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи. А куда бы не худо до погреба-то. добраться... Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка» («Русскій Архивъ» 1864 г.). Вопросъ Пушкина о комедіи Гоголя кн. Одоевскій отнесъ (въ примѣчаніи своемъ къ письму Пушкина) къ «Ревизору». Но профессоръ Тихонравовъ въ юбилейномъ изданіи этой комедіи справедливо замѣтилъ (стр. V), что она еще и не зарождалась въ это время въ головѣ Гоголя, и потому отнесъ вопросъ Пушкина къ «Женитьбѣ». Можно, думается мнѣ, отнести его и къ «Владимиру 3-й степени», и это даже будетъ вѣрнѣе, такъ какъ Пушкинъ могъ и не знать еще о «Женитьбѣ». Отказъ Пушкина былъ, вѣроятно, причиной, что «альманахъ въ три этажа» такъ и не появился на свѣтъ. Въ это же время начаты были Гоголемъ повѣсти «Носъ», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Невскій проспектъ» и комедіи «Женитьба» и «Игроки» («Сочиненія» изд. 10-е, II, 565—567, 570, 695, 715). Но Гоголь оставался недоволенъ всѣми этими сочиненіями; они, очевидно, не давались ему, и онъ ихъ безжалостно уничтожалъ. Отвѣчая (вѣроятно, въ концѣ 1833 г.) Погодину на вопросъ, что онъ пишетъ, Гоголь съ отчаяніемъ писалъ: «Охъ, братецъ! зачѣмъ ты спрашиваешь, что я пишу, что я затѣваю, что у меня написано? Знаешь ли ты, какой мнѣ дѣлаешь вопросъ, и что мнѣ твой вопросъ? Ты похожъ на хирурга, который запускаетъ адскій свой щупаль въ пылающую рану и доставляетъ больному самую пріятную забаву: муку. Какой ужасный для меня этотъ 1833 годъ! Боже, сколько кризисовъ! Настанетъ ли для меня благодѣтельная реставрація послѣ разрушительныхъ революцій? Сколько я починалъ, сколько пережегъ, сколько бросилъ! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольнымъ самимъ собою. О, не знай его! Будь счастливъ и не знай его. Это одно и то же. Это нераздѣльно. Человѣкъ, въ котораго вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость, онъ одинъ составляетъ оппозицію

противъ всего. Онъ ужасно издѣвается надъ собственнымъ безсиліемъ. Боже, да будетъ все это къ добру!»¹⁾).

То же самое признаніе находимъ и въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9-го ноября 1833 года, которое было уже приведено выше и въ которомъ Гоголь оправдывается въ томъ, что не могъ ничего прислать для альманаха «Денница». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ о множествѣ начатыхъ, но неудавшихся ему произведеній: «У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха» (стр. 25—26).

Очевидно, поэтическое творчество Гоголя претерпѣвало тяжелый кризисъ, разрѣшившійся, наконецъ, отчаяннымъ воплемъ, вырвавшимся изъ самой глубины наболѣвшей души. Наканунѣ 1834 года, со страхомъ, но и съ какой-то непонятной надеждой вглядываясь въ свою будущность, Гоголь взывалъ къ своему «Генію»: «Молю тебя, жизнь души моей, мой Геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободри меня надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ. Какое же будешь, ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или?... О, будь блистательно, будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834 годъ? Будь и ты моимъ ангеломъ. Если лѣнь и безчувственность хотя на время осмѣлятся коснуться меня,—о, разбуди меня тогда! Не дай имъ овладѣть мною!... О!... Я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донинѣ зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣявшій во мнѣ мечты! О, взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество! Я совершу... О, поцѣлуй и благослови меня!» («Сочиненія», изд. 10, V, 105—106).

Эти душевныя страданія, бывшія, очевидно, одною изъ главныхъ причинъ его неудачи, какъ профессора, должны были еще болѣе усиливаться отъ той двойственности влеченій, вслѣдствіе которой Гоголь самъ не зналъ, что онъ такое: поэтъ или историкъ? Это поперебѣнное увлеченіе то исторіей, то поэтическимъ творчествомъ продолжалось вплоть до оставленія имъ кафедры въ университетѣ (въ концѣ 1835 года). Объ этой перебѣнѣ въ своемъ по-

¹⁾ Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 145—146.

ложеніи онъ увѣдомилъ Погодина (6-го декабря 1835 года) въ такихъ выраженіяхъ:

«Я расплевался съ университетомъ и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взопелъ на кафедре и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говорить, что я не за свое дѣло взялся,— въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высскія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку¹⁾! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч., и проч. Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это!» (Кулишъ, V, 246—247).

На этихъ искреннихъ, дружески-задушевныхъ строкахъ стѣбитъ остановиться. Въ нихъ Гоголь жалуется, что онъ остался неузнаннымъ въ роли профессора, и обвиняетъ въ своемъ безславіи ученыхъ невѣжъ, ученую и неученую чернь. На первый взглядъ, послѣ извѣстныхъ уже намъ признаній Гоголя въ своихъ собственныхъ научныхъ ошибкахъ, въ дѣтскости мыслей, ограниченности свѣдѣній, такая жалоба, конечно, кажется странной и рисуетъ Гоголя не болѣе, какъ жалкимъ хвастуномъ, что онъ самъ, какъ мы видимъ, сознавалъ. Но именно это сознаніе свидѣтельствуетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь не свои ученые познанія, недостаточность которыхъ самъ видѣлъ лучше всякаго другаго, а тѣ поэтическіе образы и картины, которые создавались у него изъ находившагося въ его рукахъ скуднаго историческаго матеріала и при посредствѣ которыхъ ему становился ясенъ жизненный смыслъ историческихъ явленій, ясенъ до такой степени, что ему казалось, будто онъ уже можетъ внести эту ясность и въ свои лекціи. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ тѣ «небесныя гости, наводившія на него божественныя минуты», о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ, были плодомъ вдохновенія, а не изученія, вдохновеніе же, какъ настроеніе, измѣнчивое по существу, не всегда находится во власти поэта, то Гоголь и не смогъ справиться съ задачей, за которую взялся по увлеченію. Но онъ самъ не понималъ этого до тѣхъ

¹⁾ Онъ дѣйствительно прожилъ весь 1835 годъ «въ тѣснотѣ», вынужденный выѣхать изъ прежней квартиры по случаю передѣлки дома (Кулишъ, V, 233—234).
Ф. В.

поръ, пока не оставилъ кафедръ,—не понималъ не потому, что превеличивалъ свои ученые познанія, а потому, что слишкомъ увлекался поэтическимъ творчествомъ, которое изъ сухихъ и скудныхъ историческихъ матеріаловъ создавало живыя и яркія картины прошлой жизни. Неопровержимымъ доказательствомъ этого служить исторія созданія Гоголемъ повѣсти «Тарасъ Бульба» и неоконченной пьесы изъ англійской исторіи «Альфредъ», подробно изложенная въ превосходныхъ примѣчаніяхъ г. Тихонравова къ 10-му изданію сочиненій Гоголя.

Не догадываясь, въ чемъ дѣло, Гоголь думалъ, что и другіе могутъ также оживить сухой историческій матеріалъ, передаваемый имъ на лекціяхъ. Но тутъ и постигла его неудача. Слушатели его, не одаренные поэтическимъ вдохновеніемъ, апатично слушали его, въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно сухія лекціи, и это заставило его написать Погодину (14-го декабря 1834 г.): «Знаешь ли ты, что значить не встрѣтить сочувствія, что значить не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художественную отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль и вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитюю черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня!» (Кулишъ, V, 228).

Обвиняя своихъ слушателей въ непониманіи, онъ, очевидно, не видѣлъ, что, во-первыхъ, изъ его отрывочнаго изложенія мудрено было и понять что нибудь, а, во-вторыхъ, понимать историческія данныя такъ, какъ онъ самъ понималъ, то-есть облекать ихъ въ живыя, художественныя картины и сцены, никто изъ его слушателей не могъ.

Всѣ эти тщетныя попытки Гоголя сдѣлаться историкомъ причиняли ему, конечно, весьма много душевныхъ тревогъ, огорченій, разочарованій, и когда онъ, наконецъ, отказался отъ нихъ и, вмѣстѣ съ оставленіемъ профессорской кафедры, оставилъ навсегда и свои занятія исторіей, онъ сразу почувствовалъ облегченіе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ произведеніями, задуманными имъ на историческія темы («Тарасъ Бульба», «Альфредъ»), его еще сильнѣе поглощали произведенія, содержаніе которыхъ взято было имъ изъ современной дѣйствительности («Ревизоръ», «Женитьба», «Миргородъ», «Арабески»). Цитированное выше письмо его къ Погодину, съ извѣстіемъ объ оставленіи кафедры, оканчивается такими словами:

«Теперь я вышелъ на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ

прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!».

Такимъ радостнымъ восклицаніемъ привѣтствовалъ Гоголь освобожденіе свое отъ нѣсколько лѣтъ продолжавшагося заблужденія. И дѣйствительно было чему радоваться: его восклицаніе возвѣстило Погодину объ окончаніи безсмертнаго «Ревизора».

Ф. Витбергъ.

